

УЗАКОНЯЕТЪ ЛИ ХРИСТІАНСТВО ЛЮБОВЬ КЪ САМОМУ СЕБѢ? ¹⁾

Чѣмъ вызывается постановка этого вопроса? Влѣшнее основаніе: современное направленіе этики. Внутреннее основаніе: неправильное истолкованіе евангельской заповѣди о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ.—Аргументы эгоистической морали: естественность и неустрашимость себялюбія, какъ основнаго закона нашей природы: нравственный прогрессъ, какъ эволюція жестокости и эгоизма.—Факты противоположнаго характера: несомнѣнное присутствіе въ человѣкѣ отъ природы, наряду съ эгоистическимъ направленіемъ жизни, альтруистическихъ чувствъ и ихъ нравственная обязательность для человѣческаго сознанія и поведенія.—Общій выводъ изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ фактовъ. — Инстинктъ самоохраненія, какъ доказательство первоначальности и законности себялюбія. Преувеличеніе значенія этого инстинкта. Неприложимость его къ области нравственно-разумной жизни. Истинный смыслъ Христовой заповѣди о любви къ ближнему, какъ самому себѣ. — Отрицательное значеніе самолюбія, какъ основы нравственности. Самоотреченіе отъ своего „я“—признакъ истиннаго добра. Добродѣтель изъ-за любви ко Христу, ради Бога. Любовь къ Богу, какъ высшій и единственный принципъ нравственности.—Обязанность нравственнаго самоусовершенствованія, какъ слѣдствіе любви къ Богу. Аскетизмъ, какъ выраженіе любви къ Богу. Отсутствие эвдемонизма и себялюбія въ стремленіи человѣка къ нравственному самоусовершенствованію и достиженію небснаго блаженства. Раскрытіе этой мысли на основаніи аскетическихъ твореній святыхъ подвижниковъ.

Поставленный вопросъ, повидимому, обязанъ своимъ происхожденіемъ или простому недоразумѣнію, или схоластической изобрѣтательности. Христіанство, религія безкорыстія и самоотверженія, и любовь къ самому себѣ—понятія, взаимно исключаютія другъ друга. Тѣмъ не менѣе и поста-

¹⁾ Прочитано предъ воспитанниками Виванской семинаріи на одномъ изъ литературныхъ собраній.

новка, и выясненіе этого вопроса вызывается, такъ сказать, виѣшними и внутренними основаніями. Извѣстно, что весьма многія этическія міровоззрѣнія исходнымъ началомъ морали ставятъ любовь къ самому себѣ, а любовь къ другимъ разсматриваютъ, какъ явленіе позднѣйшее, какъ наростъ на себялюбіи. „Основной двигатель воли, признаваемый эволюціонной и утилитарной психологіей, есть любовь къ себѣ, стремленіе къ удовольствію“¹⁾ или, другими словами, „тяготѣніе къ себѣ“²⁾. Эта привязанность къ себѣ изъ основнаго, природнаго закона нашего существа превращается въ современномъ мыслящемъ обществѣ въ культъ своего „я“, въ беззащитчивую проповѣдь чистаго эгоизма. Въ данномъ случаѣ любопытнымъ показателемъ современнаго настроенія въ значительной части общества можетъ служить судьба книги Макса Штирнера (онъ же Каспаръ Шмидтъ): „индивидуумъ и его собственность“ (Der Einzige und sein Eigenthum). Эта книга представляетъ собою самое откровенное и послѣдовательное обоснованіе эгоизма, какое когда-либо существовало во всемірной литературѣ. Появившись въ 1845 г., названная книга встрѣтила въ обществѣ суровый пріемъ и скоро какъ бы пропала безъ вѣсти. Но безъ малаго чрезъ сорокъ лѣтъ, въ 1882 г., вышло новое изданіе ея, и на этотъ разъ она не вызвала такихъ ожесточенныхъ нападокъ, а коегдѣ даже восторги³⁾. Вскорѣ послѣ Макса Штирнера на той же нѣмецкой почвѣ распустилась пышнымъ цвѣткомъ циническая философія эгоизма въ лицѣ Фридриха Нитцше⁴⁾. Эти теченія западной философской мысли проникли и въ наше отечество и вызвали, какъ увидимъ ниже, неумѣренныхъ и восторженныхъ панегиристовъ эгоизма.

Это—внѣшнія основанія для поставленнаго нами вопроса. Но есть основанія и внутреннія.

1) Фулье. Критика повѣвшихъ системъ морали. СПб. 1898 г., стр. 25.

2) Тамъ же, ст. 14.

3) Н. Михайловскій. Литература и жизнь. Русское Богатство, 1899 г. № 4, стр. 193.

4) „Сверхчеловѣкъ Нитцше—полный и абсолютный эгоистъ“, — къ такому выводу приходитъ напр. Штейверъ, одинъ изъ выдающихся представителей теоретическаго индивидуализма въ современной Германіи, въ своемъ интересномъ очеркѣ объ эгоизмѣ въ философіи. (См. въ „Вѣстникѣ Европы“ отзывъ о книгѣ Arthur Dix'a „Der Egoismus“, 1900 г. Январь, стр. 428—432.)

Въ Евангеліи содержится заповѣдь о любви къ ближнему, какъ самому себѣ (Мѣ. XXII, 39). Злоупотребляя этою евангельскою заповѣдію, многіе видятъ въ ней прикровенное, косвенное узаконеніе любви къ себѣ ¹⁾ и, даже болѣе того, заключаютъ, что любовь къ ближнимъ опредѣляется любовью человѣка къ самому себѣ. Такъ, нѣкто Эрнестъ Гелло или „великій Гелло“, какъ его теперь называютъ во французской литературѣ за значительное вліяніе его своеобразной философіи въ послѣднее десятилѣтіе, строитъ такой замысловатый силлогизмъ: „человѣкъ не любитъ себя! Въ этомъ все дѣло... Человѣкъ не любитъ себя, и онъ долженъ много любить себя, потому что онъ долженъ много любить своего ближняго, а ближняго онъ долженъ любить, какъ самого себя“ ²⁾. Такую же защиту эгоизма при помощи двусмысленнаго освѣщенія евангельской заповѣди мы встрѣчаемъ у Метерлинка. Вамъ говорятъ: „люби ближняго, какъ самого себя“, но если вы будете любить боязливо, по дѣтски, узко, вы такимъ же образомъ будете любить и своего ближняго. Поэтому научитесь любить себя широко, здорово, мудро и цѣльно... Есть нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ то, чтобы любить ближняго, какъ самого себя. Это—любить себя въ немъ“ ³⁾.—Въ виду такого перетолкованія евангельской заповѣди возникаетъ необходимость точнѣйшаго уясненія ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою намѣчается вопросъ объ отношеніи христіанства къ себялюбію.

Защитники и панегиристы себялюбія въ качествѣ главнаго аргумента выдвигаютъ тотъ фактъ, что любовь къ самому себѣ составляетъ основной законъ природы человѣка, какъ живого существа, движущій нервъ всей душевной его жизни, средоточіе его теоретической и практической дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ изображеніи этого закона жизни доходятъ до поэтическаго воодушевленія, достойнаго лучшаго примѣненія. „Безгранична, какъ небесныя пространства, неизмѣрима, какъ вѣчность, сильна, какъ тя-

¹⁾ См. напр. Бронзовъ „Христіанское самолюбіе“. Христіанское чтеніе, 1897 г. Августъ, стр. 240.

²⁾ См. ст. „Русскій романъ во Франціи“. Вѣстникъ Европы 1899 г. Февраль, стр. 746.

³⁾ Эгоизмъ. Пер. съ франц. Вороновой. Жизнь, 1899 г. кн. II, стр. 46 сн. 48.

готѣніе звѣздъ, любовь каждаго къ себѣ самому“, пишетъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ мыслителей — поэтъ. „Слово самолюбіе—плеоназмъ, ибо только себя и можно любить. Если я люблю хлѣбъ, который ѣмъ, воду которую пью, воздухъ, которымъ дышу, людей и природу, среди которыхъ живу, то лишь потому, что они—топливо, поддерживающее огонь моего самолюбія, единственный огонь, который меня радуетъ, грѣетъ и живитъ“¹⁾. „Человѣку, даже благороднѣйшему, продолжаетъ онъ же, также невозможно отречься отъ своего самолюбія, какъ оленю, и быстрѣйшему, нельзя обогнать самого себя. Самолюбіе было, есть и будетъ не порокомъ, не болѣзнью души, но ея верховнымъ, сокровеннѣйшимъ началомъ, неизмѣннымъ закономъ, управляющимъ всѣми ея движеніями отъ рожденія до кончины, хотя бы и крестной“²⁾. Поэтому „очевидная ложь, будто возможно любить ближняго безкорыстною любовью. Моралисты, проповѣдуя такую любовь, даромъ тратятъ слова и слезы. Никакой ураганъ словъ и океанъ слезъ не свѣютъ и не смоютъ основъ нашей природы, не нами созданной“³⁾.

И, дѣйствительно, сама природа человѣка блистательно опровергаетъ гимнъ, воспѣтый нашимъ поэтомъ эгоизму. Она сама себя защищаетъ отъ клеветы на нее, раскрывая изъ себя богатый родникъ альтруистическихъ чувствованій и безкорыстныхъ движеній сердца, которыя совершенно растворяютъ въ себѣ личные интересы, связанные съ нашимъ „я“. Софокль въ своей трагедіи „Эдипъ въ Колонѣ“ начерталъ предъ нами картину самоотверженной дочерней любви, изображая, какъ Антигона, вѣжная дѣвица, сопровождаетъ своего стараго, слѣпого, преступнаго отца, царя—изгнанника Эдипа.

Она вотъ только подросла и тѣломъ
Окрѣпла, ужъ елѣща, бѣдняжка, волить,
Со мной ежится: и блуждаетъ часто
Безъ обуви, безъ пищи въ дикихъ дебряхъ,
Злосчастная, терпя и дождь ненастный.

1) Н. Минскій. При свѣтъ совѣсти. СПб. 1897 г., стр. 1—2.

2) Тамъ же, стр. 6.

3) Тамъ же.

И солнца зной: и мало о себѣ
У ней заботы, былъ бы сытъ отецъ ¹⁾).

Она же блистаетъ предъ нами, какъ трогательный образецъ безкорыстной сестриной любви, когда горько скорбя о томъ, что ей предстоитъ войти въ царство тѣней, не испытать счастья невѣсты и радости матери, погребаетъ своего брата подъ угрозою смертной казни.

Насильственно теперь меня ведетъ,
Безбрачную, безрадостную дѣву...
И не питать ужь мнѣ дѣтей, не знать
Постели брачной, пѣсень Гименея!
Несчастная, лишенная друзей,
Живая, отхожу въ жилище мертвыхъ ²⁾).

А кто знаетъ, сколько другихъ Антиголь остались безъ-извѣстными только потому, что не случилось поэтовъ для прославленія ихъ?!—Античная нравственность, вся проникнутая идеей эгоистической отчужденности и самозаклученности, даетъ примѣры тѣсной дружбы, полной поэтической иѣжности и искренности. Въ ней искала своего обнаруженія лучшая сторона человѣческой природы, стремящаяся выйти изъ мертвящихъ рамокъ себялюбія и отдаться другимъ. Въ древнѣйшемъ „культурѣ дружбы, въ отрадѣ имѣть друга, говорить Вундтъ, лежитъ полное доказательство, что въ безкорыстномъ стремленіи, какъ элементѣ дружескаго чувства, никогда не было недостатка“ ³⁾. Не даромъ съ такою задушевностью и теплотою чувства прославляло дружбу поэтическое творчество древнихъ.

Пусть объ усопшихъ должны забывать мы въ жилищѣ Аида,

Все-же и тамъ вспоминать о возлюбленномъ буду я другъ,—говоришь иѣкогда „богоравный Ахиллесъ“ въ неутѣшной скорби по своему убитомъ другъ Патроклъ ⁴⁾).

Какъ видимъ, моралисты, защищающіе безкорыстную любовь, имѣютъ подъ собою столь же твердую почву — прирожденныя свойства нашего духа — и съ правомъ могутъ

1) Пер. Водовозова. Изъ христоматіи Филонова.

2) Антигона. Пер. Водовозова. Изъ христом. Филонова.

3) Этика. Пер. съ нѣм. изд. „Русск. Богатства“. СПБ. 1887 г., стр. 243.

4) Илиада. Пѣснь XXII. Перев. Минскаго. М. 1896 г., стр. 369.

противостоятъ эгоистической морали. Проповѣдь ихъ сводится далеко не къ безплоднымъ лишь словамъ и безсильнымъ слезамъ... То, конечно, несомнѣнно, что человѣкъ, по словамъ упомянутаго нѣмецкаго материалиста Макса Штирнера, такъ же не можетъ выйти изъ своего „я“, какъ выльзти изъ своей кожи¹⁾. Но несомнѣнно это въ томъ лишь смыслѣ, что я одинъ только могу быть субъектомъ по отношенію къ моимъ мыслямъ и волѣ т. е. существомъ думающимъ и хотящимъ; на самомъ же дѣлѣ вопросъ этимъ еще не исчерпывается; остается еще рѣшить: не являюсь ли я также и единственно возможнымъ объектомъ моихъ мыслей и воли“²⁾. Только что раскрытая нами возможность для человѣка проникаться высшими мотивами безкорыстія и благожелательности къ другимъ удерживаетъ насъ отъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Правда, въ современномъ эволюціонномъ міровоззрѣніи есть стремленіе развѣнчать человѣка, свести всю совокупность его дѣйствій къ грубымъ животнымъ инстинктамъ, представить нравственный прогрессъ, какъ „эволюцію жестокости, и эгоизма“. Такъ утверждаютъ, что „жестокость есть специфическая, общая, массовая черта человѣчества, біологическое свойство вида homo sapiens“³⁾. „Я, говоритъ защитникъ этого положенія, останавлиюсь на одномъ фактѣ, который, какъ мнѣ кажется, ярче всѣхъ другихъ иллюстрируетъ жестокость, какъ специфическую, общую, видовую черту человѣка. Это—отношеніе къ дѣтямъ, воспитаніе розгой и кулакомъ. Я не имѣю въ виду жестокихъ родителей, противуестественныхъ отцовъ и матерей, или такія уродливыя школы, какъ бурса Помяловскаго.... Нѣтъ, я имѣю въ виду систему воспитанія, недавно еще практиковавшуюся во всѣхъ школахъ и во всѣхъ семьяхъ, да и теперь общепринятую въ громадномъ большинствѣ семей. Такъ велика, глубока и нескоренна жестокость человѣческая, что даже такія чувства, какъ родительская любовь и заботливость, вылились въ систему пытокъ и казней. Дранье за уши и за волосы;

1) Фуллье. Цит. соч., стр. 28 сн. 252.

2) Тамъ же, стр. 28.

3) М. А. Энгельгардтъ. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. СПб. 1899 г., стр. 11.

сѣченіе прутьями, крапивой; застрачиваніе букоіи и тому подобными пугалами; оставленіе безъ обѣда, ужина, чая, третьяго блюда; лишеніе подарковъ, прогулки, развлеченій; ставленіе въ уголь, къ стѣнѣ, надѣваніе дурацкихъ колпачковъ и нашиваніе на спину ярлыковъ съ обидными кличками... какая сложная, хитроумная система пытокъ физическихъ и моральныхъ!... Такъ глубоко засѣло мучительство въ нашей натурѣ, оно даже къ родительскимъ чувствамъ примѣшивается сладострастіе жестокости, безсознательно для самихъ родителей. Это явленіе обыденное, и потому надъ нимъ мало думаютъ, принимая его за кѣчто естественное и понятное. Но именно обыденныя, повседневныя, пошлыя явленія, если въ нихъ вдуматься, ярче обнажаютъ передъ нами нутро человѣческое, шире распахиваютъ сердечную дверь, чѣмъ грандіозныя событія и исключительные моменты“ 1). „Итакъ, если понимать слово „человѣчность“ не въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ, а въ смыслѣ проявленія основныхъ, подлинныхъ, специфическихъ чертъ современной человѣческой природы, то придется примѣнять его совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ. При видѣ особенно хищнаго, злого животнаго мы скажемъ: „что за подлый звѣрь! Сколько въ немъ человѣчности!“ А при видѣ добраго, великодушнаго, справедливаго малаго: „что за милый человѣкъ! Сколько въ немъ звѣрства“. И этотъ языкъ, — увѣряютъ насъ, — будетъ правильнѣе теперешняго, который злого человѣка называетъ звѣремъ, а о добромъ животномъ говоритъ: „точно человѣкъ“ 2). Въ этихъ словахъ, за исключеніемъ, конечно, послѣдняго парадокса, сказано человѣку много горькой правды, но по этому кажущемуся безсердечію нельзя приравнивать человѣка къ животнымъ, которые руководятся во всемъ слѣпыми, своекорыстными, себялюбивыми мотивами и интересами. Несомнѣнно, и у цивилизованныхъ народовъ, какъ у животныхъ, инстинкты и непосредственныя порывы являются весьма часто побудителями къ дѣйствіямъ и ихъ сдерживателями. По не совсѣмъ изящному выраженію цитованнаго нами автора въ закоулкахъ нутра человѣческаго, а иногда и на виду, на переднемъ планѣ

1) Тамъ же, стр. 12—13.

2) Тамъ же, стр. 15.

находится много звѣрообразнаго. Человѣкъ можетъ иногда даже искажать свои инстинкты до неузнаваемости, падая ниже скота. Но что это означаетъ? Не подтверждаетъ ли лишь это общій законъ, наблюдаемый въ нравственномъ мѣрѣ, что кто высоко стоитъ, тотъ низко и глубоко падаетъ? По одному остроумному замѣчанію „глубина нашего ада измѣряется высотой нашего неба. И когда мы отдаемъ себѣ отчетъ въ особенномъ нравственномъ упадкѣ, то мы можемъ повторить слова сатаны Мильтона: „не удивительно! падать пришлось съ такой пагубной высоты“¹⁾. Но вотъ что такъ рѣзко отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Тогда какъ отношенія животныхъ къ своимъ дѣтямъ,—возьмемъ тотъ же примѣръ,—ограничиваются вскормленіемъ и взращеніемъ ихъ, нравственныя обязательства людей къ своимъ дѣтямъ не прекращаются и тогда, когда послѣднія становятся взрослыми. Конечно, и животныя защищаютъ своихъ дѣтенышей, жертвуютъ за нихъ своею жизнью, но это самопожертвованіе есть выраженіе лишь простаго инстинкта, тогда какъ у человѣка оно пріобрѣтаетъ характеръ обязанности, а потому уже становится нравственнымъ явленіемъ. Но вывести обязанность съ нравственною отвѣтственностью съ одной стороны и безкорыстіемъ и жертвою съ другой изъ естественныхъ наклонностей природы и инстинктивныхъ стремленій нельзя. „Если бы вы даже признали въ началѣ процесса такъ называемыя альтруистическія чувствованія на ряду съ эгоистическимъ направленіемъ жизни, то и это нисколько не объяснило бы обязанности жертвовать эгоизмомъ въ пользу альтруизма. Вы можете наслоять столѣтія на столѣтія, этимъ вы ничего не достигнете и не обезпечите успѣха. Простыя, инстинктивныя влеченія, умноженныя, накопленныя, передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію и какъ бы увѣковѣченныя этой передачею, все-таки останутся ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же влеченіями: ихъ интенсивность (напряженность) возрастетъ, ихъ сила, быть можетъ, сдѣлается непреодолимою, но природа и сущность вещей не измѣнится, и эта непрерывно возрастающая сила не сдѣлается ни авторитетомъ, ни долгомъ, ни обязанностью. Даже иллюзіи нравственной обязанности нельзя объяснить этимъ

¹⁾ Макензи. Этика. Изд. Павленкова. СПб. 1898 г., стр. 240.

путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ чистый инстинктъ могъ принять такую странную форму,—столь мало соотвѣтствующую его происхожденію“¹⁾?

Итакъ, мы имѣемъ два несомнѣнныхъ факта: 1) присутствіе отъ природы въ человѣкѣ альтруистическихъ чувствъ и 2) ихъ нравственную обязательность для человѣческаго сознанія и поведенія. Отправляясь отъ этихъ фактовъ, мы можемъ объективнѣе оцѣнить основную точку зрѣнія утилитарной и эволюціонной этики, которая сводитъ все развитіе человѣка и всѣ движенія его сердца къ эгоизму. Мы далеко не отрицаемъ огромнаго значенія эгоизма въ жизни человѣческой. Громадная сила личнаго интереса, которую мы постоянно находимъ живущей въ насъ самихъ, дѣйствуетъ весьма часто даже безъ нашего вѣдома, безсознательно для насъ. Но это, въ виду раскрытыхъ нами фактовъ, не даетъ еще права къ заключенію, что личный интересъ составляетъ всю нашу сущность, что мы находимся въ роковой, непреодолимой власти его. Равнымъ образомъ мы пока не видимъ основаній разсматривать нравственность, „какъ прогрессивное приведеніе интересовъ къ гармоніи путемъ побѣды—въ животномъ и человѣкѣ—высшихъ формъ интереса надъ низшими“²⁾, какъ бы своего рода „спаванье эгоизмовъ“³⁾. То и другое станетъ для насъ еще яснѣе, если мы продолжимъ анализъ аргументовъ эгоистической морали.

„Каждый любить только себя, потому что любить можно лишь одно: бытіе, или вѣрнѣе, чувство бытія, сознаніе жизни, благодатной, мистически-отрадной жизни, равно какъ ненавидѣть можно лишь небытіе. Все, что есть въ мірѣ веселаго и чарующаго: сіяніе солнца, материнскія ласки, дѣтскій смѣхъ, ароматъ цвѣтовъ,—все это веселитъ и чаруетъ лишь потому, что претворяется во мнѣ въ сознаніе моего собственнаго бытія. И все, что есть въ мірѣ грустнаго и отвратительнаго,—плачь вѣтра, холодъ осенней ночи, безсердечіе убійцы, зловоніе трупа,—все это грустно и отвращаетъ

1) Олэ-Ляпрюнь. Цѣнность жизни. Пер. съ фран., стр. 115.

2) Гьюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. Т. 1. СПб. 1898 г., стр. 412.

3) Фульье. Цит. соч., стр. 30.

лишь потому, что претворяется во мнѣ въ символъ моей собственной смерти“ ¹⁾. Въ переводѣ этого образнаго поэтическаго языка на обычную рѣчь это означаетъ, что въ „основаніи всей группы эгоистическихъ чувствованій лежитъ всеобщій законъ всей органической природы, всего живого,—законъ самосохраненія. Онъ дѣйствуетъ, какъ neodолжимый, слѣпой инстинктъ, заставляя каждое живое существо прежде всего заботиться о себѣ самомъ, привлекать къ себѣ все пріятное, содѣйствующее благосостоянію, и отталкивать, устранять все непріятное и вредное“ ²⁾.—Но достаточно разсмотрѣть жизнь съ ея, такъ сказать, элементарной, физиологической стороны, чтобы удержаться отъ сведения ея исключительно къ столь простому, повидимому, инстинкту самосохраненія. Дѣло въ томъ, что жизнь слагается изъ двухъ параллельныхъ процессовъ—усвоенія и воспроизведенія. „Существо живое получаетъ, но лишь для того, чтобы отдавать; беретъ, но лишь для того, чтобы возвращать.... Итакъ, жизнь поддерживается дѣйствіемъ, которое есть трата силъ, и поддерживается лишь для того, чтобы расходоваться и воспроизводиться... Нигдѣ нѣтъ инерціи, — полной замкнутости въ себѣ и для себя, чистой самозаклученности и исключительнаго обращенія на себя“ ³⁾. И „чѣмъ лучше организовано существо, чѣмъ богаче его жизнь, тѣмъ болѣе оно отдаетъ“ ⁴⁾. Издавна обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что старыя дѣвы, холостяки, евнухи обыкновенно гораздо эгоистичнѣе другихъ: центръ ихъ всегда оставался въ глубинѣ ихъ самихъ, никогда не колебался. И дѣти тоже эгоистичны: у нихъ нѣтъ еще такого излишка жизни, который былъ бы наружу. Когда есть только одинъ пирогъ, ребенокъ хочетъ, чтобы онъ достался только ему. Къ годамъ половой зрѣлости мѣняются черты характера: юноша исполненъ энтузіазма, онъ готовъ на всѣ жертвы, да и необходимо въ самомъ дѣлѣ, чтобы онъ въ извѣстной мѣрѣ умялся: онъ слишкомъ живетъ для того, чтобы жить для одного себя. Старикъ, напротивъ, перѣдко скло-

¹⁾ Минскій. Цит. соч., стр. 2—3.

²⁾ Снегиревъ. Психологія. Харьковъ, 1893 г., стр. 457.

³⁾ Ола-Тяпрюнь. Цит. соч., стр. 52—53.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 61.

ненъ снова сдѣлаться эгоистомъ. У больного замѣчаются тѣ-же наклонности. Всякій разъ, какъ бѣднѣетъ источникъ жизни, во всемъ существѣ возникаетъ потребность сбереженія силъ, себялюбиваго самообереганія. Наоборотъ наиболѣе богатая жизнь чувствуетъ и наиболѣе сильное побужденіе расточаться, жертвовать собой въ извѣстной мѣрѣ, по частямъ отдавать себя другимъ. Также расширеніе жизни, дѣлежъ ея съ другими не всегда есть результатъ простаго избытка ея, но весьма часто сопровождается тратою силъ, личнымъ изнуреніемъ, самоотверженіемъ въ пользу другихъ. Это, конечно, очевиднѣе всего проявляется въ области разумной жизни. Художникъ, переживая внутреннее наслажденіе отъ созерцанія прекраснаго, чувствуетъ потребность подѣлиться этимъ наслажденіемъ съ окружающими. Съ этою цѣлью онъ старается воплотить прекрасное въ той или другой формѣ предъ зрителями или слушателями. Извѣстно, что этотъ процессъ духовнаго творчества сопровождается крайнимъ напряженіемъ и расходомъ силъ, полнымъ забвеніемъ своего „я“, какъ бы временнымъ умираніемъ для него. То-же самое бываетъ съ служителями какой либо идеѣ, носителями того или другаго подвига. Выраженіе „мученикъ своего убѣжденія“ не всегда бываетъ лишь простою метафорой. Въ глазахъ такихъ людей съ понятіемъ истинной жизни соединяется отреченіе отъ личной, эгоистической жизни и, такъ сказать, раствореніе ея въ другихъ. Полноту внутренней жизни они испытываютъ именно при такомъ самоотверженіи и самоумерщвленіи. Апостоль Павелъ говоритъ объ апостольскомъ служеніи, что „мы живые непрестанно предаемъ на смерть ради Иисуса... но если вѣншній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется“ (1 Кор. IV, 11, 16). Тутъ воочію исполняются слова Иисуса Христа: „кто хочетъ душу (жизнь) свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее“ (Мѡ. XVI, 25). Итакъ „умереть—значитъ жить и, чтобы жить, надо умереть. Самоотверженіе, самоотреченіе, самоумерщвленіе,—все это обнаруживаетъ на насъ *животворное дѣйствіе*“¹⁾. Вотъ каковъ законъ разумно-нравственной жизни! Постѣ этого было бы слишкомъ меха-

¹⁾ Олз.-Ляпрювъ. Цит. соч., стр. 158.

ническимъ отношеніемъ къ жизни ограничивать ее исключительно инстинктомъ самосохраненія, поставляя его въ самолюбивомъ ощущеніи своего бытія. По идеѣ о жизни вообще и нравственной въ особенности этотъ инстинктъ долженъ получить такое видоизмѣненіе, которое собственно приводитъ къ совершенному отрицанію его. Конечно, никто не станетъ опровергать, что инстинктъ самосохраненія *можетъ* остаться единственнымъ мотивомъ жизни, но онъ не *долженъ* имъ оставаться, если только человѣкъ проникся истиннымъ представленіемъ о жизни ¹⁾. И въ особенности представляется грубымъ перенесеніе его въ область духовной, нравственной жизни, какъ мы встрѣтили это у одного отечественнаго моралиста, прикрывающагося притомъ словомъ Божиимъ. Выходя изъ словъ Ап. Іоанна, что „рожденный отъ Бога хранитъ себя“ (1 Іоан. V, 18), онъ спрашиваетъ: „какъ возможно говорить о самосохраненіи помимо чувства любви къ себѣ? Самосохраненіе и любовь къ себѣ— моменты однородные“ ²⁾. По общему контексту и мысли Апостола ³⁾ ясно, что онъ разумѣетъ сохраненіе отъ грѣха, которое, понятно, никакой параллели съ инстинктомъ самосохраненія имѣть не можетъ и построено на отрицаніи себялюбія, на отверженіи отъ личнаго „я“. Стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, сохраненіе отъ грѣха можетъ быть сопоставляемо съ самосохраненіемъ развѣ только по чисто словесному созвучію. Терминъ „жизнь“ мы употребляемъ напр. въ приложеніи къ жизни физической и духовной, но можно ли на основаніи этого приводить полную аналогію между тою и другою?...

Но не говорилъ ли и Іисусъ Христосъ о любви къ самому себѣ? Какъ понимать Его заповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ къ самому себѣ? Для нѣкоторыхъ моралистовъ никакого затрудненія тутъ нѣтъ: „если законна любовь къ ближнему, заключаютъ они, то не менѣе законна и любовь человѣка къ себѣ. Это вполне ясно изъ словъ Господнихъ“ ⁴⁾.

1) Ср. Снегиревъ. Цит. соч., стр. 489.

2) Бронзовъ. Цит. ст. въ Христ. Чт. 1897 г. Августъ, стр. 241.

3) Въ цѣломъ 18 стихъ читается такъ: „мы знаемъ, что всякій, Рожденный отъ Бога, не грѣшитъ; но Рожденный отъ Бога хранитъ себя, и лукавый не прикасается ему“.

4) Бронзовъ. Цит. ст., стр. 241.

Признаемся, мы подобной ясности въ словахъ Иисуса Христа не находимъ, а самое пониманіе ихъ считаемъ неправильнымъ. Заповѣдь о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, заимствована Иисусомъ Христомъ изъ Ветхаго Завѣта (Лев. XIX, 18), повторена она Имъ законнику, искушающему Его вопросомъ: „Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?“ (Мѡ. XXII, 36). Для естественнаго человѣка, какими были всѣ ветхозавѣтные люди, а тѣмъ болѣе для законника, пропитаннаго холоднымъ формализмомъ, единственно понятною мѣркою благожелательныхъ, любовныхъ отношеній къ ближнимъ была любовь къ самому себѣ ¹⁾. „Не слѣдуетъ забывать,—воспользуемся психологическимъ замѣчаніемъ Рибо,—что недостаточно одного теоретическаго представленія о болѣе возвышенномъ нравственномъ идеалѣ, о цѣли, лежащей впереди; необходима могучая эмоція, которая заставляетъ дѣйствовать и, заражая другихъ, передаетъ имъ свой порывъ. Всякій шагъ впередъ опредѣляется тѣмъ, что перечувствовано, а не тѣмъ что понято“ ²⁾. Такою эмоціей, доступной для пониманія естественнаго падшаго человѣка, было чувство любви къ самому себѣ. Послѣдняя являлась для него самымъ сильнымъ стимуломъ. По аналогіи съ нею онъ могъ опредѣлить и установить для себя нормальный, нравственный характеръ отношеній къ ближнимъ. Значить, любовь къ самому себѣ представляетъ въ данномъ случаѣ не предписаніе Божественной воли, а лишь указаніе на свойство падшей человѣческой воли, на общечеловѣческой естественный фактъ. Но отъ простаго указанія на фактъ до его узаконенія, само собою разумѣется, еще очень далеко. И странно было бы встрѣтить такое узаконеніе въ христіанствѣ. Христіанство явилось съ благовѣстіемъ новой жизни, противоположной всему прежнему жизненному укладу. До-христіанскій міръ съ самаго паденія прародителей („будете, яко бози“) руководился грѣховнымъ закономъ себялюбія. Христіанство, имѣющее

¹⁾ „Мѣркою любви къ Богу Господь полагаетъ всю нашу любовь, какую только способно питать наше сердце, а мѣркою любви къ ближнимъ полагаетъ ту любовь, какую мы любимъ самихъ себя“ (Никифоръ, Арх. Астраханскій. Троицкое толковое Евангеліе отъ Маттея на XXII, 34 и дал.).

²⁾ La psychologie des sentiments, p. 289.

возродить человѣка, возстановить нормальную нравственную жизнь, сущность ея указываетъ въ любви къ Богу и ближнимъ, въ преданности своего „я“ Богу и ближнимъ. Не напрасно Христосъ, изложивши заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, выразительно добавляетъ: „на сихъ двухъ (а не трехъ) заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Мѡ. XXII, 40). Ясно, что заповѣдь о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, дается примѣнительно къ подгрѣховному состоянію человѣка ¹⁾. Она, какъ и вообще всякая заповѣдь, представляетъ собою не безусловный, а относительный, максимумъ нравственности, сообразованный съ дѣйствительною наличностью силъ человѣка. Иную мѣрку отношеній къ ближнимъ и иныя требованія предъявляетъ христіанство, когда оно изображаетъ абсолютный идеалъ нравственности. Образцомъ и мѣрой любви къ ближнимъ является не любовь къ самому себѣ, а самоотверженная любовь Христа, чуждая всякой тѣни себялюбія: „сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 12—13). Высшимъ выраженіемъ такой любви служитъ любовь къ врагамъ, не находящая для себя основы ни въ естественномъ чувствѣ человѣческой природы, ни въ требованіяхъ разума, а единственно въ благодатной силѣ Божіей, дѣйствующей чрезъ Евангеліе (ср. Римл. 1, 16). Древнимъ, естественнымъ людямъ было сказано: „люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего“ (Лев. XIX, 17, 18). А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижавшихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего небеснаго.

¹⁾ Также неудачна ссылка въ защиту законности себялюбія на слова Ап. Павла въ посл. къ Ефесянамъ: „никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю“ (V, 29). Прекрасное изъясненіе этихъ словъ Ап. мы встрѣчаемъ у св. Максіма Исповѣдника. „Никтоже, говоритъ Апостоль, свою плоть возненавидѣ“, однако тѣмъ не менѣе умеривляетъ ее и поработаваетъ (1 Кор. IX, 27), не давая ей ничего, кромѣ пищи и одѣянія (1 Тим. VI, 8), и ихъ однихъ, только потому что они необходимы. Такъ безстрастно любятъ ее и, яко служительницу Божественнаго, питаютъ и грѣютъ единственно тѣмъ, что восполняютъ ея оскуднѣніе“. (Добротолюбіе въ рус. пер. т. III М. 1888 г., стр. 214).

ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ добрыми и злыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Мф. V, 43—45), говоритъ Иисусъ Христосъ въ нагорной проповѣди, начерчивая въ ней идеальный строй своего царства на землѣ¹⁾. Сущность христіанской любви къ людямъ въ ея идеальномъ образѣ излагаетъ Ап. Павелъ въ полной невыразимаго величія и красоты рѣчи, заключающейся въ первомъ посланіи къ Коринѣ. XIII, 4—7. Однимъ изъ главныхъ признаковъ этой любви служитъ то, что она „не ищетъ своего“ т. е. „того, что имѣетъ значеніе для ея личнаго благосостоянія и счастья. Любовь не любитъ себя самой и не умѣетъ любить. Она умерла для себя... Любовь отводитъ свое я отъ того центра жизни, около котораго сосредоточены всѣ цѣли, желанія и чувства, и ставитъ на мѣсто его новый, чуждый ей объектъ. „Вы—въ сердцахъ нашихъ“ (2 Кор. VІІ, 3), говоритъ любящій любимымъ. Поставивъ вмѣсто своего „я“ чужое „я“, она продолжаетъ жить такъ, какъ бы это было собственное „я“. Свое же „я“ для нея не существуетъ. „Никто не ищи своего, но каждый другаго“ (1 Кор. X, 24)—вотъ ея девизъ“²⁾. Очевидно „заповѣдь: люби ближняго своего, какъ самого себя, Апостолъ понимаетъ не такъ: люби ближняго такъ, какъ ты любишь самого себя, но: люби ближняго такъ, какъ ты любилъ до сихъ поръ себя самого; люби его вмѣсто себя“³⁾. Высота такой самоотверженной любви проявилась въ самомъ Ап. Павлѣ, который желалъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ своихъ, родныхъ по плоти (Рим. IX, 3). Иногда думаютъ ослабить силу словъ Апостола тѣмъ соображеніемъ, что онъ желалъ несбыточнаго. Но преосв. Теофанъ справедливо замѣчаетъ.

1) „Въ нагорной проповѣди, говоритъ извѣстный моралистъ Маргенсъ, Христосъ излагаетъ законъ по его внутреннему смыслу, сводитъ законъ Моисея, запечатлѣнный характеромъ гражданскаго права, къ закону Евангелія, къ закону любви, высказываетъ безконечныя требованія совершенства, которыя нигдѣ не могутъ найти своего истиннаго, совершеннаго выполненія, нигдѣ, кромѣ какъ при состояніи общества, весьма отличномъ отъ современнаго“. (Христіанское ученіе о нравственности. Перев. Лопухина, т. II. СПб. 1890 г., стр. 236).

2) Мышцынъ. Ученіе св. Ап. Павла о законѣ дѣлъ и законѣ вѣры. Стр. 201—202.

3) Тамъ же, стр. 202, прим. 1.

что „это были не слова только, но искреннее, изъ глубины души исходящее желаніе—желаніе безвозвратное. Будь возможно желаемое имъ, онъ готовъ былъ въ самомъ дѣлѣ на предлагаемую жертву ¹⁾).

Иногда, впрочемъ, пытаются представить дѣло такъ, будто „чувство любви къ себѣ служитъ даже самую прочною основою любви къ другимъ, къ ближнимъ. Недовольство людьми нелюбовь къ людямъ, мизантропія всегда и прежде всего,—говорятъ, — коренятся въ недовольствѣ собою, въ нелюбви къ себѣ. Дайте мизантропу чувство внутренняго довольства, чувство любви и нѣжности къ себѣ—и его точка зрѣнія на людей немедленно измѣнится. Получивъ возможность снисходительно отнестись къ своей личности, къ самому себѣ, онъ снисходительно отнесется и къ другимъ. Кто говоритъ, что любить Бога и въ то-же время не любить ближняго, тотъ обманываетъ себя и другихъ. Потому что—какъ онъ можетъ любить Бога, котораго никогда не видѣлъ, когда не любить ближняго, котораго видитъ? Этотъ превосходный и тонкій анализъ Апостола можно продолжить далѣе. Можно сказать съ несомнѣнностью, что тотъ, кто воображаетъ, что любить ближняго, любить человѣка и человѣчество и въ то-же время не любить себя, обманываетъ себя и другихъ. Какъ онъ можетъ любить ближняго, который не постоянно съ нимъ находится и котораго онъ знаетъ всегда меньше, чѣмъ себя, когда онъ не умѣетъ любить себя самого, свою личность, которая постоянно съ нимъ и хорошо ему извѣстна? Тотъ никогда не въ состояніи оцѣнить достоинства другихъ, кто не умѣетъ отыскать въ себѣ самомъ ни одного достоинства“ ²⁾. Конечно, любовь къ себѣ нельзя считать непремѣнно синонимомъ всего низкаго, дурного. Бываютъ формы такъ называемаго благороднаго самолюбія, но класть его въ основу взаимныхъ отношеній между людьми все-таки рискованно. Тотъ же самый психологъ сознается, что „это чувство до такой степени деликатное, подвижное и неопредѣленное, что положить ему даже идеальныя границы чрезвычайно трудно, а практически почти невозможно. Оно всегда усложняется, уклоняется въ своемъ направленіи и пор-

¹⁾ Толкованіе IX—XVI гл. посл. къ Римлянамъ. М. 1876 г., стр. 10.

²⁾ Снегиревъ. Цит. соч., стр. 490 сн. Мартенсенъ. Цит. соч. т. II, стр. 210.

тятся нехорошими, искажающими примѣсами. Только самыя счастливыя и высокія природы могутъ сохранить, и то относительно, чистоту его¹⁾. Еще важнѣе то, что и самое чистое и благородное самолюбіе можетъ въ лучшемъ случаѣ лишь удержать челоуѣка отъ безчестныхъ поступковъ, наблюдать справедливость, или, какъ любятъ нынѣ выражаться, корректность по отношенію къ другимъ, но воодушевить челоуѣка на сердечную теплую любовь къ другимъ оно не въ состояніи, сдѣлаться одушевленнымъ началомъ нравственности оно не можетъ. „Есть единое, что ему свыше всего нужно. Что же такое? Чтобы, оставивъ все, себя самого оставить, изъ себя совсѣмъ вышелъ бы и никакой собственной любви не удержалъ бы въ себѣ“²⁾.—То правда, что челоуѣкъ, разочаровавшійся въ себѣ, теряетъ, вѣру въ свои силы. У него, какъ говорится, опускаются руки, и онъ становится неспособнымъ къ энергической, плодотворной дѣятельности на благо другихъ. Но не меньшая правда и то, что презрѣніе къ людямъ является чаще всего результатомъ не разочарованія въ себѣ, а самолюбія, воспитаннаго на сознаніи собственного достоинства, именно вслѣдствіе эластичности его, постоянной опасности перешагнуть извѣстную границу и впасть въ то аристократически—гордое состояніе, которое Байронъ называетъ „одиночествомъ царей“. Сенека и Тацитъ не разъ высказываютъ мрачный, мизантропическій взглядъ на людей, хотя принципами стоической школы, какъ извѣстно, были довольство собою, вѣра въ свои собственные силы. Христіанство спасаетъ отъ презрѣнія къ людямъ и разочарованія въ себѣ не тѣмъ, что любовь къ ближнимъ оно проводитъ чрезъ посредство любви къ себѣ, хотя бы и истинной, а тѣмъ, что оно любовь къ ближнимъ связываетъ съ любовью къ Богу, ко Христу. „Христосъ,—говоритъ одинъ богословъ мыслитель,—считалъ возможнымъ привязать людей къ ихъ ближнимъ, но подъ однимъ только условіемъ,—а именно, чтобы они прежде были тѣсно связаны съ Нимъ Самимъ. Онъ выступилъ, какъ представитель челоуѣковъ, онъ отождествилъ Себя съ своимъ

1) Снегиревъ. Цит. соч. стр. 491.

2) Тома Кемпійскій. О подражаніи Христу. Пер. К. П. Побѣдовосцева СПб. 1869 г., стр. 87.

дѣломъ и съ интересами всѣхъ человѣческихъ существъ, и Онъ былъ предназначенъ, какъ задолго передъ тѣмъ Онъ уже сокровенно намекалъ, положить свою жизнь за нихъ. Немногіе изъ насъ обладаютъ съ самаго начала и непосредственно сочувствіемъ къ этой преданности; немногіе изъ насъ способны раскрыть въ самой человѣческой природѣ достоинство, достаточное, чтобы вызвать ее. Но не такъ трудно любить и почитать Того, Который былъ исполненъ этой любви... А какъ любовь вызываетъ любовь, то для многихъ оказалось возможнымъ исполниться ко Христу такою привязанностію, которую никакія слова не въ состояніи описать, почитаніемъ до того завладѣвающимъ и поглащающимъ ихъ внутренняго человѣка, что они могли сказать: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. II, 20). Подобное чувство и влечетъ за собой необходимость чувства любви ко всѣмъ человѣческимъ существамъ¹⁾. И, дѣйствительно, Иисусъ Христосъ исполненіе своихъ заповѣдей, изъ которыхъ главная и новая заключалась въ самоотверженной любви къ другимъ, ставилъ въ прямую зависимость отъ любви къ Себѣ (Іоан. XV, 10—14 см. XIV, 15). Христосъ хотѣлъ, чтобы люди полюбили добро въ Немъ и были добры ради Него, во имя любви къ Нему, и мы видимъ, что любовь ко Христу, съ ея великимъ „Христа ради“, сдѣлалась громадною нравственною силою, неперестающею, и теперь производитъ свое широкое дѣйствіе въ христіанскихъ обществахъ. И только добродѣтель изъ-за любви ко Христу носитъ на себѣ печать полной нравственной чистоты. „Самая возвышенная философская мораль не избавляла отъ опасности болѣе или менѣе явнаго, открытаго и прикрытаго тонкаго служенія эгоизму... она (напр. мораль стоиковъ) часто рождалась гордостью и вела къ гордости, когда эта послѣдняя направлялась въ челоуѣкъ на его „я“, какъ нравственную личность. Лишь добродѣтель изъ-за любви къ кому-нибудь, будучи любовью къ другому, а не къ себѣ, вполне застрахована отъ всякой малѣйшей примѣси эгоизма. Эта добродѣтель имѣетъ совершеннѣйшій характеръ самоотверженія: челоуѣкъ любить и дѣлаетъ добро не потому, чтобы оно приносило ему лично выгоды или удовольствіе, а по-

¹⁾ Ессе Номо. Пер. съ англ. Тернера СПБ. 1876 г. ч. II, стр. 71.

тому, что его требуетъ любимое лицо,—чтобы ему угодить, сдѣлать пріятное. Эта добродѣтель есть отреченіе отъ своей личности въ пользу другой личности; она—послушаніе, но послушаніе не тупое, вялое, рабское, а теплое, сердечное, радостное, послушаніе друга,—не тяжелое, а скорѣе пріятное; любовь не замѣчаетъ жертвъ, въ нихъ ея радость“ ¹⁾, Святые подвижники и аскеты въ своихъ твореніяхъ отмѣчаютъ это свойство христіанской любви. „Намѣреваясь держаться правилъ миролюбія, учить напр. св. Ефремъ Сиринъ, каждый прежде всего всѣми мѣрами да старается имѣть въ въ сердцѣ своемъ священную любовь и страхъ Божій, непрестанно да просить ихъ себѣ у Бога и частымъ, лучше же сказать, непрестаннымъ памятованіемъ о Господѣ и о небесной любви всячески да ревнуетъ возвращать ихъ въ себѣ ежедневно при помощи благодати. Въ любви къ ближнему (послѣ сего) легко уже можетъ преуспѣть. Поставь первое на первомъ мѣстѣ, тогда второе, слѣдуя за первымъ, совершится по порядку. А если кто вознерадитъ о первой великой заповѣди—о любви къ Богу... вознамѣрится же имѣть попеченіе о второй подобной ей, то отсюда произтечетъ одно только ви́шнее служеніе братіямъ, и никогда онъ не будетъ въ состояніи исполнить сіе служеніе чисто и здраво, потому что козни злобы, находя его умъ далекимъ отъ памятованія о Богѣ, отъ любви и стремленія къ Нему, или будутъ производить въ душѣ роптанія и жалобы на служеніе братіи, представляя его труднымъ и тяжелымъ, или станутъ надмевать его и заставлятъ мечтать о себѣ, какъ о достоцестномъ и великомъ, обольщая мыслию о его многодѣланіи въ пользу всѣхъ“ ²⁾. По словамъ св. Исаака Сирина любовь къ Богу необходимо наполняетъ сердце человѣка пламенной любовью къ человѣку и ко всей твари. Онъ говоритъ: „отъ упоенія любовью къ Богу и сердце человѣка возгарается о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всѣхъ вообще тваряхъ. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ очи человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, оно умиляется, и чело-

¹⁾ Свещ. П. Свѣтловъ. Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Стр. 343—344.

²⁾ Добротолюбіе въ рус. пер. т. II. М. 1884 г. стр. 388—9.

вѣкъ не можетъ вынести или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А потому и о безсловесныхъ, и врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ со слезами приносить молитву, чтобы сохранились и были помилваны; а также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ его сердцѣ до уподобленія въ семь Богу. Такой человекъ, если десятикратно въ день будетъ преданъ на сожженіе за любовь къ людямъ, не удовлетворяется тѣмъ“ ¹⁾. Послѣ этихъ разъясненій свв. подвижниковъ намъ понятно, почему Иисусъ Христосъ предваряетъ заповѣдь о любви къ ближнимъ заповѣдью о любви къ Богу, называя послѣднюю первую, наибольшую (Мф. XXII, 38). Очевидно, любовь къ ближнимъ, чтобы быть интенсивною, безкорыстною и самоотверженною, словомъ, дѣйствительною любовью, должна проявляться во имя Бога, обнаруживаться отъ Бога.

Выходя изъ той же любви къ Богу, аскеты въ высшей степени психологично выясняютъ вопросъ о нравственномъ самоусовершенствованіи человекѣка, которое, повидимому, служить прямымъ показателемъ любви къ самому себѣ. По взгляду моралистовъ, защищающихъ нормальность и законность любви къ самому себѣ, дѣйствительно „христіанское самолюбіе побуждаетъ человекѣка къ большому и большому нравственному самоусовершенствованію“ ²⁾. Христіанинъ любить въ себѣ то, что составляетъ предметъ любви Божіей,—Его образъ или, иначе, свою идеальную личность, за которую страдалъ и умеръ Сынъ Божій, и стремится къ усовершенствованію ея ³⁾. Между тѣмъ у свв. подвижниковъ дѣло представляется нѣсколько иначе. Опредѣляющимъ мотивомъ нравственнаго самоусовершенствованія нигдѣ не выставляется христіанское самолюбіе, а вездѣ и исключительно любовь къ Богу. Любовь къ Богу, по ученію свв. подвижниковъ, состоитъ въ непрестанномъ духовномъ единеніи съ Нимъ, въ умномъ или чистомъ, духовномъ созерцаніи Его,

¹⁾ Нравственная жизнь человекѣка по изображенію св. Исаака Сирина. Христіан. Чтеніе 1859 г., кн. 3, стр. 321—322.

²⁾ Бронзовъ. Цит. ст., стр. 243.

³⁾ Тамъ же, стр. 240.

доходящемъ до полнаго самозабвенія. Максимъ Исповѣдникъ говоритъ: „когда по влеченію любви умъ возносится къ Богу, тогда онъ ни самого себя, и ничего изъ сущаго совсѣмъ не чувствуетъ. Озаряемый Божественнымъ безмѣрнымъ свѣтомъ, онъ безчувственъ бываетъ ко всему сотворенному, подобно какъ и чувственное око къ звѣздамъ по возсіяніи солнца“ ¹⁾. Любящій Бога, по словамъ другаго подвижника, „не вѣдаетъ, что такое онъ есть“ ²⁾. Такъ какъ пламенная любовь къ Богу можетъ быть удовлетворяема только въ состояніи созерцанія или умной молитвы ³⁾, то она необходимо, въ силу природы своего объекта—Бога, приводитъ человѣка, объятаго ею, къ подавленію и устраниенію всего, что мѣшаетъ ей раскрыться, и напротивъ пріобрѣтенію и развитію того, что можетъ ей благопріятствовать, — именно нравственной чистоты, нравственного совершенства. Аскетизмъ, понимаемый вообще въ смыслѣ нравственнаго самоусовершенствованія, былъ именно выраженіемъ любви къ Богу. Душа, по замѣчанію св. Макарія Египетскаго, которая „уязвляется Божественною любовію, настраивается ко всѣмъ духовнымъ добродѣтелямъ“ ⁴⁾. Любящій Бога переживаетъ то-же самое, что въ обыденной жизни испытываетъ порочный человѣкъ отъ близкаго общенія съ чистымъ другомъ или невинной возлюбленной. Какъ этотъ послѣдній нравственно облагораживается, исправляется въ силу своего тяготѣнія къ любимому, такъ и любящій Бога чрезъ самую эту любовь нравственно очищается и совершенствуется. „Люди, на которыхъ укунула роса Духа Божественной жизни и уязвила сердце Божественною любовію къ небесному Царю—Христу, тѣмъ болѣе прилѣпляются къ оной красотѣ, къ неизглаголанной славѣ, къ нетлѣнному благодѣію. къ недомыслимому богатству истиннаго и вѣчнаго

1) Добротолюбіе въ рус. пер. т. III, стр. 180.

2) Блаженнаго Діадоха подвижнич. слово.—Тамъ же: стр. 16.

3) „Кто что любить,—говоритъ св. Феодоръ Едесскій, тотъ съ тѣмъ непрестанно и жить желаетъ, и отвращается отъ всего, что препятствуетъ соводворяться и соображаться съ любимымъ предметомъ. Явно потому, что и Бога любящій вождельствуетъ всегда съ Нимъ пребывать и бесѣдовать. Достигается же сіе нами чистою молитвою“. (Добротолюбіе, т. III, стр. 370).

4) Добротолюбіе, т. I. М. 1883 г., стр. 273.

Царя—Христа. Они отдаются въ плѣтъ вождельнiю и любви, всецѣло устремляясь ко Христу, и вождельвають улучшить тѣ неизглаголаннiя блага, какiя созерцають духомъ, и ради сего ни во что вмѣняютъ всякую на землѣ красоту, и славу, и благодѣлiе, и честь, и богатство царей и князей, потому что узавились они божественною красотой, и въ душѣ ихъ уканула жизнь небеснаго безсмертiя“¹⁾. Такимъ образомъ любовь къ Богу психологически приводила христіанскихъ аскетовъ къ весьма энергической нравственной дѣятельности самоусовершенствованiя. Послѣднее составляло, необходимое слѣдствiе объявившей ихъ душу пламенной любви къ Богу. Аскетъ велъ борьбу съ своей плотiю, избѣгалъ грѣха, стремился къ нравственному усовершенствованiю не изъ привязанности и любви къ себѣ, не изъ-за инстинкта духовнаго самосохраненiя, а изъ-за любви къ Богу. — Первый мотивъ, даже въ самомъ возвышенномъ его выраженiи, съ истинно христіанской точки зрѣнiя былъ бы не чисто-нравственнымъ. „Смѣю утверждать, говоритъ св. Климентъ Александр., что не изъ желанiя спастись человекъ долженъ стремиться къ познанiю Бога, а долженъ принимать и усвоять оное изъ-за Божественной красоты и величiя святости, превосходства самого этого познанiя..... Первымъ началомъ доброй дѣятельности человека, вполне совершеннаго, служить такое: дѣйствовать не въ видахъ блага личнаго. Разъ онъ разсудилъ, что добродѣтель представляетъ собою нѣчто прекрасное и достохвальное, — пламенный порывъ его души уже постоянно и съ пламенной энергiей побуждаетъ его къ добру изъ-за самаго добра“²⁾. Ап. Павелъ, какъ о немъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, „объятый несравненно лучшею и блаженнѣйшею любовью (ко Христу), и терпѣлъ, и дѣлалъ все не для чего иного, какъ для того, чтобы удовлетворить этой любви, которую онъ питалъ ко Христу“. „Христось, говоритъ тотъ же Златоустъ въ другомъ мѣстѣ, составлять для апостоловъ все; ни небо, ни

¹⁾ Добротолубіе, т. I, стр. 230.

²⁾ Строматы въ пер. Корсунскаго. Кн. IV, гл. 22, стр. 482—3. — Ту-же самую мысль проводитъ преп. Іоаннъ Кассіанъ: „мы не иначе можемъ достигнуть истиннаго совершенства, какъ возлюбивши Бога не по другому чему, какъ по одному влеченiю любви къ Нему“. (Добротолубіе, т. II, стр. 154).

царства небеснаго не предпочитали они Возлюбленному“¹⁾. Съ ними буквально и въ собственномъ смыслѣ происходило то, что Апостоль говорилъ о себѣ: „я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ“ (Рим.л. VIII, 38—39). Словомъ въ такомъ состояніи любви „для человѣка пропадаетъ все: и самъ онъ, и будущія награды, и законъ справедливости, и остается только Одинъ Богъ, для Котораго онъ живетъ и о процвѣтаніи царства Котораго, какъ царства добра, онъ только и думаетъ, позабывая, будетъ ли самъ онъ участвовать въ этомъ царствѣ или нѣтъ“²⁾. Для насъ, въ большинствѣ случаевъ эгоистичныхъ людей, такое настроеніе трудно представимо, потому что оно не переживается нами, но оно не представляется психологически невозможнымъ. По психологической своей сущности оно уясняется при помощи аналогіи изъ болѣе знакомаго круга явленій. „Мужъ храбрый, по замѣчанію Шиллера, мыслить о себѣ въ послѣднихъ“ т. е. онъ способенъ на дѣйствія, полезныя исключительно только для другихъ, способенъ даже жертвовать для долга собственною жизнью, не ожидая за это никакой награды, забывая даже о ней. Къ такому же безкорыстію и самоотреченію приводитъ христіанина любовь къ Богу.

Такимъ образомъ христіанство изгоняетъ самую тѣнь себялюбія въ области нравственнаго самоусовершенствованія, малѣйшій признакъ эвдемонизма, даже понимаемаго въ его чистѣйшемъ видѣ — желаніи спастись, получить небесное блаженство.

Къ сожалѣнію эта послѣдняя мысль не настолько проникла въ общее сознаніе, чтобы сдѣлаться безспорнымъ положеніемъ. Такъ, въ обще-философской литературѣ мы встрѣчаемся съ такого рода разсужденіемъ: „если любовь выражается въ томъ, что я стараюсь содѣйствовать счастью любимаго существа, близкаго или отдаленнаго, то этимъ самымъ признается, что счастье есть законная цѣль человѣка,

1) Цит. см. у арх. Сергія, православное ученіе о спасеніи стр. 111—112.

2) Тамъ же, стр. 110.

слѣдовательно не только чужое, но и свое собственное; ибо это законъ общій: я долженъ любить другаго, какъ самого себя. Если же, напротивъ, счастье не признается законною цѣлью человѣческихъ стремленій, то и для чужаго счастья я не долженъ дѣлать ничего, и тогда любовь лишается всякаго содержанія“¹⁾. Это умозаключеніе стремится найти себѣ опору въ природѣ человѣка. „Стремленіе къ счастью т. е. къ возможно полному удовлетворенію своихъ потребностей составляетъ естественный законъ единичнаго существа. Въ этомъ состоитъ истина всѣхъ эвдемонистическихъ теорій стараго и новаго времени“²⁾.—Но христіанство, хотя, дѣйствительно, доставляетъ полное удовлетвореніе всѣмъ идеальнымъ потребностямъ человѣка и приводитъ его къ счастью и блаженству, тѣмъ не менѣе рѣзко отличается отъ всѣхъ эвдемонистическихъ системъ. Во всевозможныхъ эвдемонистическихъ теоріяхъ счастье есть конечная цѣль человѣческихъ нравственныхъ стремленій, а въ христіанствѣ оно—естественное слѣдствіе нравственной дѣятельности³⁾. Эта—разница очень существенная. Когда счастье, хотя бы въ утонченномъ смыслѣ духовнаго блаженства, прористекающаго отъ нравственнаго совершенствованія, ставится цѣлью

1) Чичеринъ. Философія права. Вопросы Философій и Психологіи. кн. 49, стр. 499.

2) Тамъ же, стр. 502.

3) Внутреннее удовлетвореніе и параллельно съ нимъ испытываемое счастье и блаженство въ данномъ случаѣ, подобно жизненному чувству, нельзя отдѣлять отъ той дѣятельности силъ, благодаря которой воспроизводится то и другое. Это относится не только къ тѣлеснымъ силамъ и дѣятельности физиологическихъ органовъ, но и къ внутреннимъ духовнымъ способностямъ, при помощи которыхъ человѣкъ создаетъ условія своего высшаго существованія. „Таковъ уже законъ тѣлесной органической дѣятельности, что наслажденіе тѣсно связано съ опредѣленной суммой проявленія силъ, и что оно существуетъ рядомъ съ ихъ развитіемъ“. (Дюрингъ). Таковъ же законъ и душевной дѣятельности, что наслажденіе и блаженство органически связано съ расширеніемъ нравственныхъ силъ и способностей и увеличивается по мѣрѣ удовлетворенія ихъ. Блаженство постепенно растетъ въ человѣкѣ вмѣстѣ съ нравственнымъ совершенствомъ. И есть высшіе моменты счастья, столь высокіе, когда къ нимъ не идетъ опошленное слово „счастье“ (примѣры мученичества). Въ эти высшіе моменты исчезаетъ самый вопросъ о пріятномъ и непріятномъ, страданіи и наслажденіи, хотя бѣдность языка и заставляетъ насъ все-таки употреблять эти слова.

нравственныхъ дѣйствій, то послѣднія по необходимости пріобрѣтають утилитарный, а слѣдовательно эгоистическій характеръ. „При такой цѣли, говоритъ преосв. Теофанъ, люди разъединяются заботою только о себѣ и привыкають все обращать въ средство, не исключая даже и самого Бога, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ человѣкъ, какъ и все сотворенное, есть средство въ десницѣ Божіей для цѣлей Его Божественнаго Промысла“¹⁾. Другими словами: цѣлью, которая освящаетъ для человѣка добродѣланіе, въ данномъ случаѣ служитъ не что иное, какъ благополучіе, средоточіемъ жизни продолжаетъ оставаться его собственное „я“, а не Богъ. Между тѣмъ, по ученію св. Ап. Павла, „царство Божіе—не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость въ святомъ Духѣ“ (Римл. XIV, 17), т. е. „если отрѣшиться отъ частнаго повода, по которому сказаны эти слова, блаженство и радость Царствія Божія будутъ проистекать не изъ удовлетворенности на землѣ мыслимыхъ, себялюбивыхъ стремленій и запросовъ человѣка,—радость будетъ о Духѣ Святомъ, которая необходимо соединяется съ праведностію и миромъ. Человѣкъ, поступаая въ царство Божіе, поступаетъ туда не для того, чтобы блаженствовать, а для того, чтобы быть святымъ“²⁾. „Мы въ семъ отношеніи, разъясняетъ преосв. Теофанъ по обычаю образно и общедоступно, похожи на состязающихся на ристалищахъ. Призы уже опредѣлены и лежатъ наготовѣ. Вступающій въ состязаніе, конечно, имѣетъ въ виду получить призъ и думаетъ объ этомъ. Но когда вступаетъ въ самое состязаніе, тогда у него все уже выходитъ изъ головы, однимъ занятъ, — какъ бы скорѣе всѣхъ достигнуть опредѣленнаго знака. Такъ и въ дѣлѣ спасенія. Какъ не имѣть въ мысли царствія небеснаго? И къ вѣрѣ привлекаетъ что другое, какъ не желаніе получить его? Но когда увѣровавъ, вступишь на путь къ нему, не его уже одно имѣй въ мысли, не на одно его устремляй очи ума и сердца, но паче на знакъ впереди, котораго, если достигнешь, всеконечно получишь царствіе, а не достигнешь—не получишь. Что это за знакъ? Чистота сердца отъ всего страстнаго и грѣховнаго. Въ это и впері умныя

1) Начертаніе христіан. правоученія. М. 1891 г., стр. 36.

2) Сергій, арх. Цит. соч., стр. 103—104.

очи свои, сюда и направляй бѣгъ, на это обрати все усилія и труды“¹⁾. Слѣдовательно, чтобы быть участниками блаженства, необходимо пожертвовать всѣми своими себялюбивыми желаніями, даже самыми утонченными и возвышенными, необходимо положить средоточіе жизни не въ себя, а въ волю Божіей. Послѣ этого намъ не покажется парадоксомъ, когда анахоретъ Памва у Лѣскова въ „запечатлѣнномъ ангелѣ“ говоритъ: „ахъ, нѣтъ, братіе, нѣтъ, я не смиренъ: я великій дерзостникъ, я себя въ небесномъ царствѣ части желаю“. Нельзя представлять себя дѣло такъ, что христіане отрекаются отъ себя въ пользу добродѣтели потому, что знаютъ конечный исходъ этого самоотреченія, знаютъ, что такимъ путемъ они все-таки придутъ въ концѣ концовъ къ большей выгодѣ. Иначе легко будетъ признать нравственнаго героя оборотливымъ себялюбомъ. Онъ жертвуетъ меньшимъ благомъ, отрекаясь напр. отъ земныхъ удобствъ, даже отъ грѣха, что, конечно, сопровождается страданіемъ для него, и взамѣнъ получаетъ большее (вѣчное спасеніе), точь въ точь какъ биржевой игрокъ. Такого вывода не будетъ, если поставимъ двигающимъ мотивомъ жизни въ стремленіи къ блаженству не любовь къ себѣ, а любовь къ Богу, Котораго нужно любить всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ т. е. всѣмъ своимъ существомъ. „Совершенная душа, — воспользуемся и еще разъ психологическимъ выводомъ св. Максима Исповѣдника, — есть та, коея вождѣлѣтельная сила вся совершенно устремилась къ Богу“²⁾. Послѣ этого для насъ станутъ понятными такіа душевныя состоянія, когда человекъ, по любви къ Богу, для счастья и блага другихъ отказывается отъ своего собственнаго счастья въ высшей его формѣ — небеснаго блаженства (Ап. Павла. Сн. Филип. 1, 21—25. Римл. IX, 3). Значитъ, нечего опасаться, что христіанская любовь лишится своего содержанія, если предметомъ ея наряду съ чужимъ счастьемъ мы не поставимъ свое собственное. Это опасеніе могло стать дѣйствительностію развѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы на самомъ дѣлѣ нравственность основали на естественныхъ законахъ и требованіяхъ природы

1) Письма къ одному лицу. СПб. 1881 г., стр. 61.

2) Добролюбіе. Т. III, стр. 229.

человѣческой, хотя бы облагороженной христіанствомъ, если бы границы нравственнаго развитія личности опредѣляли не божественной нормою, а человѣческой. Но „на природу, предупреждаетъ преосв. Теофанъ, никогда не слѣдуетъ ссылаться или на нее опираться безусловно, — ибо она совмѣщаетъ въ себѣ смѣсь должнаго съ недолжнымъ. Почему, переработывая себя, надо не на природу смотрѣть, а на норму совершенства, предлагаемаго христіанствомъ“¹⁾. Норма же христіанскаго совершенства не имѣетъ ничего общаго съ естественною любовью человѣка къ самому себѣ, представляемой даже въ самой возвышенной формѣ. По слову Апостола, „никто изъ насъ не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя, а живемъ ли, для Господа, живемъ; умираемъ ли, для Господа умираемъ“ (Рим. XIV, 7—8), а потому истинный христіанинъ долженъ проникнуться такою нравственною настроенностью, чтобы всегда, при каждомъ частномъ поступкѣ, вслѣдъ за пророкомъ быть въ состояніи сказать: „Божій есмь, Божій есмь“ (Ис. XXIV, 5).

---

¹⁾ Письма къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. Душеп. Чит. 1882 г., ч. I, стр. 173.